

Сергей Стасенко

Встряска

«Боинг-737» выезжал из ангара одесского аэропорта. Чернявый улыбающийся техник, держа в одной руке пластмассовый стаканчик с кофе, а в другой штурвал, подгонял к разметочным линиям лайнер. Колеса замерли. Веселый техник пролил остаток кофе на логбук¹, чертыхнулся, выронил мобильный телефон, схватил салфетки и принялся вытирать жидкость с документа.

Внизу с трапа соскочил второй техник. Распахнул дверь. Заглянул в кабину.

— Антоха, чего это ты логбук в кофе купаешь?

— А иди ты!

— Пришел уже. Как бы отгонять назад не пришлось бандуру эту. Гроза собирается.

— Фиг. Моя смена через два часа кончается. Уже не мои заботы.

— Ты крут. А я заступил только.

Василич продолжал запускать приборы. Вдалеке от самолета замаячил заправщик. Грузовик двигался напрямиком к «Боингу».

¹ Логбук — документ, в котором хранится вся информация о самолете.

Через час, когда лайнер был заправлен, а ребята из кейтеринговой компании набили борт под завязку едой, в своем обширном кабинете здания аэропорта бушевал маленький мужичок. Заливаясь потом, он орал в трубку мобильного телефона:

— Как это команда опаздывает?.. Вы в своем уме?.. Это международный рейс. Черт бы вас побрал!.. Уволю всех... Мне плевать, что там у Ефремова... Сейчас же команду! Они должны были час назад бить на борту... Але! Але!

Связь оборвалась.

У входа в аэропорт остановилось пошарпанное такси. Водительская дверца хлопнула. Выскочил водитель в тертых шлепках, коротких шортах, тельняшке и надписью на фуражке «Одесса-мама». Распахнул заднюю дверцу. Показались ноги. Выбралась высокая дама. Она манерно задрала голову, не глядя под ноги, и, выходя из машины, зацепилась за болтающийся ремень безопасности.

— Твою мать! — ее лицо скривилось, но на ногах устояла, один каблук качался. — Глянь, что из-за твоего тарантаса с каблуком. Это ж «Витон».

— О, мамаша. Не бойсь. Не упала ведь? Ща я твой чемодан выпру.

— Какая я тебе мамаша? Меня...

— Ну, не папаша ж. Держи и будь здорова в Париже.

— ...зовут Альбина.

— Рад знакомству.

— А в аэропорт занести?

— Занесешь. У меня заказ вон тусуется.

Давай! — таксист побежал к стоящему в растерянности мужичку.

Нагло схватил его чемодан и бросился к своему такси. Альбина не успела оглянуться, как такси, взвизгнув покрышками, рвануло с места.

Девушка растерянно пошла ко входу. Там ее толкнул огромный мужчина. За ним, упершись в пол, плелся мальчик лет десяти. Папа мальчика плотно украшен всевозможными наколками, выглядывающими из-под майки. На запястье блестел «Ролекс». Татуировки на шее слегка прикрывала золотая цепь.

— Ой! — вполоборота бросил он. — Извиняй, мамаша!.. Че ты постоянно в пол зыришь? Там бабы голые? Прямо иди! — отец на ходу продолжал вычитывать сына.

Альбина остановилась.

— Какого лешего? — себе под нос. — Да я даже беременной никогда не была. Черт! — девушка выхватила из косметички зеркало, стала придирчиво осматривать свое лицо.

— Ни единого признака мамаша, — снова себе, но уже громко.

Девушка загородила проход. За спиной

послышалось веселый галдеж. Двое высоких парней, облаченных в черные брюки и белые рубашки, с бородами и в кипах², не заметив Альбину, налетели и снесли с ног «мамашу». Она уронила чемодан.

Веселые парни бросились поднимать чемодан, говоря что-то на своем языке. Альбина недовольно выпрямилась. Ребята помогли девушке, не дав ей ничего сказать, побежали к столпотворению у стойки регистрации.

Альбина подняла голову, до этого не обращая внимания на то, что творится вокруг, и ахнула.

В аэропорту царил хаос.

— Уважаемые пассажиры! Просьба не мешать проходить на посадку! — диспетчер сделала паузу, вздохнула. — Это личная просьба директора аэропорта!

Похоже, это никого не волновало. Перед табличкой «На посадку», глубоко припав к земле, молились люди. Примерно человек пятьдесят-шестьдесят. Парни, только что помогавшие Альбине, перестали смеяться, на ходу выхватили из своих сумок талмуды, присоединились к лежащим.

² Кипа — вязанная шапочка, которую носят религиозные евреи — хасиды.

Образовав перед входом полукруг, они не давали никому пройти. Обувь покоилась рядом.

За спиной у Альбины появилась новая пара. Пожилая еврейская мама и ее сын.

— Филя, ты глянь, наши земляки устроили поклонение.

— Мама, это ведь ортодоксальные евреи молятся. Как же их?..

— Хасиды они, Филя, хасиды. Не забывай свои корни. Так, дамочка, ну-ка дай пожилой женщине пройти, — еврейская мама бесцеремонно отодвинула Альбину подходящую к толпе, протиснулась мимо нее с сыном. — Пошли, Филя!

Альбина вновь чертыхнулась. Недалеко от аэропорта послышался грохот. Некоторые люди обернулись. Гром.

— Так, Филя, я никуда не полечу. Глянь на небо.

— Мама, успокойся! Мы летим не в ту сторону.

Альбина вновь налетела на пассажиров. На этот раз это были два парня. Один из них, выкрашенный в белый цвет:

— Елки-палки, Артур, глянь. Конкуrentка с ног сшибла. Куда прешь, дорогуша, а?

— Реально, куда? — подхватил другой. — Бампер с лобовым себе сделала, и сразу на амбразуру? Ану отойди!

Молодые люди оттеснили ничего не успевшую сказать Альбину. Она рассердилась, вскочила и бросилась к сотруднице аэропорта которая пыталась успокоить пассажиров. Все хотели лететь.

— Когда ж это прекратиться? Сделайте что-нибудь! — вскричала Альбина.

Недавно сделанные пухлые губы, постоянно причмокивали при каждой согласной, а, очевидно, также недавно сделанная грудь, украшенная глубочайшим декольте, подпрыгивала при каждой гласной.

— Мы ничего не можем сделать. Это же хасиды. Они молятся каждые полчаса.

— Так объявите финал, харам... Или как там у них!

— Поверьте, это довольно частое явление.

— Частое явление, что полсотни людей молятся у трапа?

— Ти-и-и-и-ише! Вы что? Не дай бог они решат еще и перед трапом помолиться!

— Как?

— Мы в прошлый раз еле в воздушный коридор успели попасть.

— Плевать я хотела на ваш коридор. Меня в Париже Марсельчик ждет. Че, я зря вот это все полгода делала? — Альбина указала на грудь и губы.

— Поймите...

— Так, я сейчас сама с ними разберусь. Кто у них главный? Ага... Вон тот здоровый с книжкой.

Девушка ринулась вперед, пробираясь сквозь «ковер» из хасидов, то и дело наступая на кого-то из них. Перед молящимися хасидами стоял высокий бородатый мужчина.

Хасиды не обращали внимания на Альбину. Громко молились, все время припадая к полу. Добравшись до главного, она набрала побольше воздуха в грудь и хотела уже разразиться гневной тирадой, но неистовой силы крик еврея заставил ее отскочить. Альбина поскользнулась и стала падать. Ее подхватили под руки два уже знакомых ей парня и с веселыми криками потащили в проход «На посадку». Пассажиры двинулись вперед. Девушка только и успела крикнуть:

— Чемодан! Мой чемодан!

Чемодан остался далеко позади.

Пассажиры уже высыпали из здания. Быстро подходили к ожидавшемуся их «Боингу». Заметившие налетающую черно-белую массу, Антоха и второй техник немедленно бросили сигареты, соскочили с трапа и ретировались. С противоположной стороны к самолету подъезжал микроавтобус. Из салона выходил опоздавший экипаж.

Капитан, с галстуком на бок, расстегнутой

пуговицей на рубашке, громко смеялся. Команда сдержанно улыбалась.

— А, когда он штаны снял, — продолжал капитан свой рассказ, прерванный выходом из «микрика», — она ему и говорит: «Чувак, господи! А разговоров-то сколько!»

— Капитан, а мы успеем все проверить? Глянь в ту сторону. Кажись, гроза.

— Без кипиша, Игорюня, — отвечал капитан второму пилоту, — ты ж помнишь рейс в Сингапур? За пятнадцать минут все сделали.

— Ну да, а потом три часа нервотрепки.

— Тихо!

Веселье капитана прервали крики хасидов. Они без спроса забрались на трап и пытались открыть дверь «Боинга». Две стюардессы в ужасе смотрели на происходящее. Одна из них, вовремя сориентировавшись, отделилась от команды и побежала по трапу, расталкивая людей. Альбина, уже занесенная на трап, чуть с него не свалилась. Все те же добрые парни ее удержали и весело завопили с сильным акцентом:

— Ничего, дорогая, полетим с ветерком!

— Отпусти меня.

— Так тебя никто не держит. Мы помогаем.

Ослабив хватку, ортодоксы продолжили петь.

Тем временем, шустрая стюардесса распахнула дверь, пропуская разъяренных

пассажиров внутрь. В толпе оказался и экипаж. Капитан хохотал, приговаривая:

— Первый раз нас прут на борт, а не наоборот.

За командой на борт поднималась пожилая еврейская мама с сыном.

— Филя, расстегни, наконец, свой галстук. Ты же не на свадьбе! Перед мамой можешь не притворяться деловым человеком. Пусть шейка подышит свежим воздухом.

— Мама, я вице-президент фармкомпании...

— Ой, я тебя прошу. Твой дедушка владел десятью нефтьешками и за всю жизнь не сносил ни одной рубашки.

— Мама, мы летим в бизнес-классе.

— Шо ты мне угрожаешь? Там мало воздуха. Напердят все в той бздюльке два на два метра, сиди и нюхай потом! Я пойду к людям в тот большой салон.

Вице-президент фармкомпании улыбнулся:

— Иди-иди. Тебе там будут рады.

— Твой дед Фима всегда говаривал, что мужчину определяют толстый кошелек, большой живот и голова, а не галстук с...

Мама вице-президента не договорила, так как пассажиры поднажали и бесцеремонно впахнули ее в самолет.

Суматоха возле лайнера. Ветер усилился.

Черные кипы на двух хасидах улетели прочь.

У входа расположилась бортпроводница, так-сяк успевшая привести себя в порядок, а вот бэйджик, со скомканным листиком внутри и надписью «Елена», перекосялся. Фамилию было не разобрать.

— Добро пожаловать на борт! — безразлично вторила она.

Спустя несколько секунд, тяжело вздохнув, процедила сквозь зубы:

— Мамочки. Шестой рейс подряд...

Мимо Елены пролетели несколько детей хасидов, радостно растаптывая ей ноги. Лена зло вскрикнула. Заметив недовольство девушки, капитан, успевший войти на борт, воскликнул:

— Не бойсь, Ленусик! Разрешу тебе скоро починить крыло. Оно уже третий раз подряд отваливается. Веселее будешь!

Капитан зашел в кабину. За ним второй пилот и бортинженер.

Лена второй стюардессе:

— Глянь, Галя! Ефремов, по ходу, опять с какой-то из наших переспал. Веселый.

— Та! У него всегда одни и те же приколы. Хоть переспал, хоть не переспал. Ты лучше на меня посмотри. Сбросила я кило или нет? — Галя, спрятавшись за шторкой, пыталась рассмотреть свой живот в маленькое зеркало, то и дело

выгибаясь, как пантера.

— Галя, скорее бегемот скинет центнер-другой, чем ты. А вот твои кульбиты пантеры мужикам понравятся. Глядишь, и Ефремов придет ночью в Париже. Иди в салон работай.

— Не завидуй!

— О, Ленульчик, — на пороге показался высокий брюнет-бортпроводник, — у тебя же сегодня шестой рейс подряд. Вернемся, поедем ко мне. Я рядом с аэропортом живу. Домой, в твои черта на куличках, ехать далеко...

— Ромаха, смени белье постельное сначала. И хату продезинфицируй. А потом уж зови. Дуй в бизнес-класс.

— Какая грубая...

Хасиды продолжали рассаживаться в эконом-классе. Седовласый бородатый хасид, прежде кричавший в аэропорту, сел у окна. Достал талмуд. Принялся читать. При виде его хасиды почтительно кланялись и продолжали кричать что-то на своем языке. По салону носилось с десяток детей.

Душно. Этим незамедлительно воспользовался сын седовласого. Он схватил маленького сына, сбросил с него всю одежду и выставил голого ребенка в проход. Тот поначалу немного похныкал, но после ему понравилось. Стал внимательно разглядывать свою пипиську, вскочил

и затанцевал, загородив проход. Все хлопали в ладоши и пели.

Заметив выходку брата, второй сын седовласого быстро раздел свою дочку и тоже выставил в проход танцевать рядом с разбушевавшимся мальчуганом.

Неприятный запах заставлял бортпроводников все время протирать глаза от наворачивающихся слез. Недавно потерявшая свое хорошее настроение, уверенность в себе и чемодан, Альбина, сев на место у иллюминатора, схватила «айфон», набрала номер, залепетала по-французски со страшным акцентом:

— Марсельчик! — а «Марсельчик» у Альбины по-французски звучит так же, как и по-русски. — Ты меня слышишь, Марсельчик?.. У меня несчастье... Представляешь, я потеряла свой чемодан в аэропорту... Нет, не в туалете... Нет, не в такси... За кого ты меня принимаешь?.. В «Боинг» ввалилась сотня хасидов. Они подхватили меня и унесли, а чемодан остался... Нет, Марсельчик... Нет у меня нового любовника... Не оставляла я у него свой чемодан... Ты меня обижаешь, — она поджала нижнюю губу насколько это было возможно. — Марсельчик, мне нужны новые вещи и... торт... Я расстроена... Ой, Марсельчик, прекрати!.. К тебе девушка едет! Жлоб! — последнее слово она прокричала по-русски громче

орущих и танцующих в проходе детей хасидов.

Услышав гневный возглас девушки, смеющийся в проходе бортпроводник Ромаха, немедленно подскочил к потенциальной жертве:

— Верно глаголете, девушка. Французы все жлобы. Может хотите выпить перед полетом? Рейс у нас, судя по всему, — он указал на уже пятерых голых детей в проходе, хлопки хасидов и танец двух взрослых, — будет веселый.

— А разве можно перед вылетом?

— Для вас сделаем.

Он побежал за шторку. Дорогу грозно перегородила третья стюардесса:

— Казанова хренов, — зашипела она, — нам Ефремова хватает. А ну марш в бизнес-класс!

— Жанночка, — игриво продолжил стюард, — не грози мне бизнес-классом. Или я Ефремова попрошу покачать нас маленько в полете. А может спеть твою любимую: «Стюардесса по имени Жанна»! — он затянул хит Преснякова, за что немедленно получил под дых от немаленькой Жанны.

— Не смей! Мне эту песню пели...

Их перебили громкие звуки, исходившие из эконом-класса. Рядом с проходом один из хасидов раскрыл талмуд и играл на дудочке.

Ромаха воспользовался моментом и скрылся в бизнес-классе.